

УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МЬЯНМЫ

Фактор восприятия угрозы в международных отношениях зачастую играет более значительную роль, чем угрозы, оцениваемые экспертами как реальные. Несмотря на то что основным субъектом международных отношений является государство, познание угрозы осуществляется правящей политической элитой. На протяжении своей истории государство Мьянма многократно сталкивалось с вторжением иностранных сил на территорию страны и его угрозой, три последних вторжения случились «на живой памяти». Анализируются ключевые события истории Мьянмы начиная с момента обретения независимости в 1948 г. и их роль в эволюции восприятия угрозы руководством страны.

Ключевые слова: восприятие угрозы; вооруженное вторжение; повстанческие группы; Мьянма.

В ходе своей истории Мьянма не раз сталкивалась с таким вызовом, как вооруженная интервенция и ее угроза. Если оставить в стороне геополитические границы и изменения названия, то можно говорить о том, что начиная с XIII в. страна подвергалась многократным вторжениям со стороны трех крупных соседей: Китая, Индии и Таиланда [1]. В XIX в. страну трижды захватывала Британская империя – в 1826, 1852 и 1885 гг. В конце 1941 и в начале 1942 г. на территорию страны вторгалась Япония. Изгнать японскую армию удалось только в конце 1944 – начале 1945 г. после того, как союзнические войска вошли на территорию Мьянмы. Чуть менее, чем через год после получения независимости от Великобритании в январе 1948 г., новое государство подверглось вторжению остатков армии Гомиьдана.

Критически важную роль в формировании внешнеполитической парадигмы играет тот факт, что три последних вторжения случились «на живой памяти». Так, большинство руководителей Мьянмы являются современниками этих вторжений. Например, глава руководящего совета Мьянмы с апреля 1942 г. генерал Тан Шве родился 2 февраля 1933 г. Его предшественник генерал Соу Маунг родился в декабре 1928 г.

После получения независимости в 1948 г. для правительства У Ну основным вызовом безопасности стал вопрос обеспечения внутренней стабильности государства. Необходимо было объединить и эффективно контролировать страну, которая была серьезно ослаблена войной и находилась под угрозой распада из-за активной деятельности многочисленных вооруженных повстанческих групп.

Некоторые из наиболее влиятельных (например, Национальная оборонная организация «Карен» – Karen National Defence Organisation, KNDO) формировались на основе многочисленных этнических меньшинств, проживающих в стране. Другие, в свою очередь, образовывались по политическому, религиозному и идеологическому признакам (например, две коммунистические организации, известные как «Красный флаг» и «Белый флаг») [2]. В какой-то момент «рангунское правительство» едва могло контролировать территорию вне окрестностей столицы. Но постепенно правительственным вооруженным силам удалось установить контроль над центральным бассейном Иравади, а к середине 1970-х гг. вытеснить остатки повстанческих групп в горные и малонаселенные районы на периферии страны [3]. Это достижение до сих пор играет важную роль для Татмадо и

используется в пропагандистских целях для того, чтобы не только продемонстрировать особую роль вооруженных сил в современной истории страны, но и подчеркнуть необходимость в сильном центральном правительстве, которое способно удерживать Мьянму единой и стабильной [4].

Несмотря на то что многие страны на определенном этапе сталкиваются с сепаратистскими движениями, для формирования особого стратегического мышления в руководстве страны важным фактом являлось то, что большинство повстанческих отрядов на территории Мьянмы в той или иной степени пользовались поддержкой иностранных государств.

Начиная с 1950-х и до 1990-х гг. официальный Бангкок активно сотрудничал с этническими повстанческими группами (такими как «Мон», «Карен», «Карени» и «Шан»), действовавшими в восточной Бирме, которые рассматривались в качестве буфера, защищающего Таиланд от «распространения коммунизма» (как со стороны собственно бирманских партий, так и, в более широком масштабе, от КПК).

После государственного переворота, осуществленного генералом Не Вином в 1962 г., эти группы стали рассматриваться непосредственно как щит, защищающий Таиланд от идеологически враждебного правительства Партии бирманской социалистической программы [5]. После освобождения из тюрьмы в 1969 г. свергнутому премьер-министру У Ну было разрешено покинуть территорию Бирмы, руководство Бангкока позволило ему организовать повстанческую армию, которая затем действовала вдоль тайландско-бирманской границы [6].

После 1967 г. поддержку со стороны Китая получала и находящаяся под руководством Коммунистической партии Бирмы повстанческая армия «Белого флага». Кроме того, Индия и Бангладеш либо были неспособны, либо не желали предпринимать активные действия в борьбе с религиозными и этническими повстанческими группами, действовавшими вдоль западной границы Бирмы и периодически выбиравшими в качестве убежища территорию Мьянмы. KNDO получала помощь от группы британских ветеранов Второй мировой войны [4]. Несколько мусульманских повстанческих групп получали тайную поддержку с Ближнего Востока [4].

После того как армия КПК заняла Куньмин в декабре 1949 г., через южную границу Бирмы хлынуло более полутора тысяч солдат Гомиьдана. Тайно поддерживаемые США и режимом Чан Кайши (который вскоре восстановил Китайскую Республику на

Тайване), эти силы осели на юге провинции Шан. Довольно быстро им удалось смешаться с местным населением, основным источником дохода для них стало выращивание опиума. Благодаря местным новобранцам и подкреплению, прибывавшему с Тайваня, постепенно эта армия выросла до 12 тысяч человек. В какой-то момент эти силы даже намеревались организовать базу на побережье залива Мартабан для того, чтобы иметь возможность получать более тяжелые товары с моря [7. С. 139]. Попытки Татмадо вытеснить эти силы с территории Бирмы были по большому счету безуспешными. Но еще более существенно возросла озабоченность Янгона, когда отряды Гоминьдана стали проводить вооруженные вылазки на территорию Китая. С 1951 по 1953 г. были предприняты как минимум 7 подобных попыток вторжения в КНР [4].

Китай всегда был важнейшим элементом в стратегической доктрине Бирмы, и начиная с 1948 г. Рангун прилагал усилия для того, чтобы установить «теплые» отношения с Пекином.

Бирма стала первым некоммунистическим государством, признавшим КНР, и в 1954 г. страны пришли к соглашению о сотрудничестве на основе «пяти принципов сосуществования», которые включали, в том числе, принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Но при этом Янгон всегда с большой осторожностью относился к возможным долгосрочным намерениям Пекина [8].

Так, до 1961 г., например, у правительства У Ну остались опасения, что Китай может предпринять попытку вторжения на территорию Бирмы, чтобы самостоятельно избавиться от остатков армии Гоминьдана. Также правительство страны опасалось, что, используя в качестве предлога присутствие Гоминьдана на ее территории, Пекин может вторгнуться в Бирму и поддержать местные коммунистические повстанческие группы [9].

В 1953 г. Бирма обратилась в ООН с просьбой расценить действие Китайской Республики как агрессию. В конце концов была принята резолюция, которая настаивала на необходимости покинуть Бирму для армии Гоминьдана. К середине 1954 г. более 6 000 человек были переправлены на аэродром на севере Таиланда, а затем вывезены на Тайвань с территории Бирмы. Но несколько тысяч солдат Гоминьдана так и остались в пределах государства.

В 1961 г. военно-воздушные силы Бирмы закрыли транзит для грузовых самолетов с Тайваня, поскольку подозревали их в доставке помощи гоминьдановским отрядам. Тайбэй отрицал какую-либо причастность. Не надеясь найти решение на официальном уровне, Янгон обратился за помощью к Пекину. Чуть позже, в 1961 г., двадцать тысяч солдат Народно-освободительной армии Китая пересекли китайско-бирманскую границу и при поддержке пятитысячной профессиональной бирманской армии вытеснили остатки армии Гоминьдана на север Таиланда и в Лаос.

Ни Янгон, ни Пекин никогда после не признавали факта массового нарушения границы Китаем, чтобы помочь Бирме избавиться от находящихся на территории страны отрядов Гоминьдана [10].

После переворота, осуществленного Не Вином в 1962 г., Китай осуществлял поддержку и помощь социалистическому правительству Бирмы, и два государства заявили о развитии особых отношений «рhauk raw» («пхаук поу»). Этот термин имеет несколько переводов, но чаще всего используются «родственные связи» или «дальние родственники».

Основная озабоченность Не Вина состояла в том, что таким гигантам, как Китай и Индия, необязательно непосредственно вторгаться в Бирму, они могут «поглотить» ее просто в виду своего огромного размера и стратегического веса. По этой причине были даже отменены меры по контролю над рождаемостью, поскольку с большим населением у страны было больше шансов уравновесить огромных соседей [11, 12].

В то же время после установления формальных государственных отношений с Янгонем Пекин проводил две совершенно разные политические линии на официальном и на партийном уровнях. После того как силы Коммунистической партии Бирмы (КПБ) были вытеснены в северо-восточные горные районы страны, они стали получать тайную поддержку от КПК. И если первоначально помощь была исключительно идеологической, то после Культурной революции 1967 г. и всеобщего антикитайского восстания в Янгоне Пекин начал осуществлять коммунистическим силам прямую материальную помощь, что включало в себя предоставление кадров для партийных партизанских отрядов, а также личного состава, который мог бы проводить идеологическую подготовку.

Эти действия предпринимались на фоне крупных поставок оружия, амуниции и другого военного оборудования. Китайская поддержка КПБ была остановлена лишь в 1978 г. с возвращением к власти Дэна Сяопина, к этому времени КПБ стала уже мощной хорошо вооруженной силой, численность которой достигала двадцати трех тысяч человек, она контролировала существенную территорию на границе с Китаем [13. С. 37].

Все эти события сформировали менталитет политических и военных лидеров Бирмы, для которых слабость страны перед внешней агрессией была прямо продемонстрирована вторжением на ее территорию и оккупацией сначала Великобританией, а затем Японией.

В 1950-х гг. к этому добавилась чувствительность к внутренней угрозе со стороны многочисленных повстанческих группировок, среди которых как минимум одной практически удалось разделить Союз. В определенный момент деятельность Национальной оборонной организации «Карен» была настолько эффективна, что им почти удалось добиться независимости штата Карен. Это поставило под угрозу целостность государства.

Правители Мьянмы также хорошо помнят пограничные проблемы безопасности, которые были связаны не только с вторжением армии Гоминьдана, но и с секретной поддержкой, которую противники правительства в разное время получали от правительств Вашингтона, Тайбэя, Пекина, Пхеньяна и Бангкока. Для большинства бирманских военных этот горький урок был

усвоен в борьбе с этническими сепаратистами и коммунистическими повстанцами.

Эти исторические события и личный опыт внесли свой вклад в глубокое чувство национальной незащищенности, страх перед внутригосударственным хаосом, глубокое недоверие к иностранным государствам, а также политику опоры на собственные силы. Все это стало основой идеологии мьянманского руководства. Восприятие Бирмы как уязвимого государства, окруженного враждебными силами, против которых неусыпным стражем должна быть сильная и единая армия (Татмадо), стало ядром стратегического мышления в Мьянме.

Ключевым моментом конца XX в., определившим внешнюю политику Мьянмы на последующие два десятилетия, стало подавление государственными вооруженными силами продемократического восстания 1988 г. Это спровоцировало трансформацию характера страхов руководства страны, связанных с возможностью вторжения на территорию страны иностранных военных сил.

В 1990 г. после проведения общенациональных выборов, в ходе которых победу одержала оппозиционная партия «Национальная лига за демократию», военное руководство отказалось признать результат голосования и, по сути, узурпировало власть. С этого момента основные опасения военной хунты состояли в том, что ее могут заставить (в том числе и силовым методом) признать результаты общенациональных выборов. В 1991 г. к ним добавились опасения о возможности вторжения на территорию страны коалиции под эгидой ООН для поддержки угнетаемого мусульманского населения страны [4].

С этого времени росла убежденность режима в том, что для его существования есть непосредственная угроза со стороны США и ряда западных стран, которые участвуют в скрытой кампании по подрыву государственного режима через поддержку оппозиционных групп и разжигают внутреннюю нестабильность. Исключительно важную роль в этом контексте имели два события: ситуация, сложившаяся в стране в сентябре 2007 г., и последствия урагана Нургис, обрушившегося на территорию Мьянмы в 2008 г.

Немаловажен и тот факт, что начиная с 1988 г. Мьянма была мишенью для критики со стороны международных СМИ и правозащитных организаций, активно использовавших Интернет для распространения своих взглядов и поддержки оппозиции военному правительству. С их стороны звучали даже призывы включить Бирму в «ось зла», намеченную Президентом Бушем, а события 2008 г. вдохнули новую жизнь в уверенность правозащитных деятелей в необходимости осуществления гуманитарной интервенции в Мьянму под эгидой ООН «ради блага ее народа» [15–17]. Даже те комментаторы, которых можно условно

отнести к числу более сдержанных, рекомендовали проведение «ограниченных военных действий, явных или неявных, нацеленных против инфраструктуры режима» [18].

Крайне важно отметить, что большое количество докладов и публицистических статей, опубликованных за этот период, страдали от фактических неточностей и очевидной политической необъективности и люди, призывавшие к вторжению на территорию страны, чаще всего демонстрировали скорее поверхностное понимание достаточно сложных проблем государства. Но такое огромное количество критики внесло свою лепту в чувство небезопасности, уязвимости режима и послужило очередным подтверждением для хунты, что страна продолжает борьбу за существование в чрезвычайно враждебном международном политическом окружении.

Военные интервенции в Панаме (1989 г.), Сомали (1992 г.), Гаити (1994 г.), Косово (1999 г.), Афганистане (2001 г.) и Ираке (1991 и 2003 гг.) рассматривались руководством Мьянмы не иначе как примеры проводимой США политики вмешательства в дела других стран, включая возможность свержения правительств, которые не устраивают Вашингтон [19].

Если говорить в масштабах региона, то международная операция в Восточном Тиморе в 1999 г., где сепаратистскому движению, не без поддержки со стороны мирового сообщества, удалось добиться независимости от основного государства, также воспринималось военной верхушкой Мьянмы как очередной пример того способа, которым США и их союзники насильственно изменяют мировой порядок. Требования, которые выдвигались жителями Восточного Тимора, в восприятии руководства Мьянмы перекликаются с теми, что выдвигали некоторые местные этнические сепаратисты, в частности карены.

Даже спасательная миссия Великобритании в Сьерра-Леоне рассматривалась как неприемлемое вмешательство во внутренние дела другой страны [4]. В этом контексте ООН воспринималась как организация, неспособная или не желающая защищать интересы более мелких и слабых членов организации, включая вопросы их суверенных прав.

Для изолированного и опасяющегося внешнего воздействия военного руководства в Нейпидо подобные действия предстают в качестве угрозы и являются прямым доказательством того, что против Мьянмы ведется постоянная кампания по подрыву существующего режима, и задача руководства быть готовым противостоять этому. Но достаточно ли этих опасений для того, чтобы государство, являющееся членом ДНЯО и участником Бангкокского договора, приняло решение о разработке секретной ядерной программы в сотрудничестве с другим «государством-изгоем» [20–22]? Этот вопрос остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Michael Aung-Twin*. Mranma Pran: when context encounters notion // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2008. Vol. 39, № 2. P. 193–217.
2. *Martin Smith*. Ethnic Groups in Burma: Development, Democracy and Human Rights // *ASI's Human Rights Series*. 1994. № 8. URL: http://www.zomilibrary.com/main/archive/files/ethnic-groups-in-burma-by-martin-smith_f37300a30d.pdf
3. *Руденко И.Т.* Влияние этнической сегментации общества на политическую стабильность в Бирме (Союз Мьянма). М., 1998.
4. *Andrew Selth*. Burma and the Threat of Invasion: Regime Fantasy or Strategic Reality? // *Regional Outlook Paper*. 2008. № 17.

5. *Josef Silverstein*. Some Thoughts on Burma-Thai Relations // Legal Issues on Burma Journal. September 2000. № 6. URL: <http://www.ibiblio.org/obl/docs/LIOB06-Thai-Burma.JoeS.htm>
6. *Thai-Burma Relations*. Human Rights Watch. URL: <http://dspace.cigilibrary.org/jspui/bitstream/123456789/18973/6/Unwanted%20and%20Unprotected%20Burmese%20Refugees%20in%20Thailand%20Thai%20Burma%20Relations.pdf?1>
7. *Bertil Lintner*. Burma in Revolt: Opium and Insurgency since 1948. University of Washington Press, 2000.
8. *China's Myanmar Dilemma* // Asia Report. 14 September 2009. № 177. URL: http://www.burmalibrary.org/docs07/Chinas_myanmar_ICG.pdf
9. *Taylor R.H.* Foreign and domestic consequences of the KMT intervention in Burma // Southeast Asia Program Data Paper. № 93. P. 29. URL: <http://seapdatapapers.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=seap;cc=seap;view=toc;subview=short;idno=seap092>
10. *Bertil Lintner*. The CIA's first secret war // Far Eastern Economic Review. 16 September 1993. P. 56–58.
11. *Willem van Kemenade*. Détente Between China and India. The Delicate Balance of Geopolitics in Asia // Clingendael Diplomacy Papers. July 2008. № 16. URL: http://www.clingendael.nl/publications/2008/20080700_cdsp_diplomacy_paper.pdf
12. *Burma/Myanmar: A Guide for the Perplexed?* // Reconciling Burma/Myanmar: Essays on U.S. Relations with Burma / ed. by John H. Badgley. NBR Analysis. March 2004. Vol. 15, № 1. URL: <http://www.nbr.org/publications/nbranalysis/pdf/vol15no1.pdf>
13. *Bertil Lintner*. The Rise and Fall of Communist Party of Burma (CPB). Southeast Asia Program, 1990.
14. *Губаев А.* Революция роб // Коммерсант-власть. 2007. № 39. С. 52–55.
15. *Andrew Chang*. Access to evil? Burma: a potential, but unlikely, partner for Iran, Iraq and North Korea // AbcNews.com. 22 October 2002. URL: <http://www.abcnews.com/sections/world/DailyNews/burma021022.html>
16. *R.S. Ehrlich*. Myanmar Times says Burmese want US invasion // Scoop Independent News. 30 September 2003. URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/print.html?path=HL0309/S00252.htm>
17. *Joshua Kurlantzick*. Ran-goons: Why isn't Burma on Bush's "Axis of Evil"? // Washington Monthly Online. URL: <http://www.washingtonmonthly.com/features/2001/0204/kurlantzick.html>
18. *Romesh Ratnesar*. Is It Time to Invade Burma? // Time. 10 May 2010. URL: <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1739053,00.html>
19. *Iraq: US-led invasion raises tough questions for Burma* // Global Information Network. 11 April 2003. URL: <http://ipsnews.net/news.asp?idnews=17458>
20. *Denis D. Gray*. Is Burma going nuclear? // The Guardian. 21 July 2009. URL: <http://www.mg.co.za/article/2009-07-21-is-burma-going-nuclear>
21. *Andrew Selth*. Burma-North Korea: rumour and reality // The Interpreter, Weblog of the Lowy Institute of International Policy. Sydney, 29 June 2009. URL: <http://www.lowyinterpreter.org/post/2009/06/29/Burma-North-Korea-Rumour-and-reality.aspx>
22. *Andrew Selth*. Burma and North Korea: Smoke or fire? // Policy Analysis. № 47 (Australia Strategic Policy Institute, Canberra, 24 August 2009). URL: http://www.aspi.org.au/publications/publications_detail.aspx?ContentID=222&pubtype=9

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2012 г.